

Ярославль

Солнце низко уже стояло, но грело ещё по-летнему. Вороны с граем катались с церковного купола, как дети с горки, и плёпались в небо, широко раскинув крылья. Которосль, река-капризуля – по весне и по осени любительница переменить русло, – бойко гнала тёмные хладные струи, и в воде неслись один за другим, кружась, золотые листья.

Капрал Медянкин залюбовался собою в зеркальной глади, отставил ружьё, приосанился, распушил усы. Жених!

Пятеро арестантов не спеша чинили плотину, и работа их могла бы служить наилучшим примером, сколь эффективен рабский труд. Двое солдат, вместо того чтобы следить за работой и вдохновлять, увлечённо трепались о бабах. Чуть поодаль трое острожных жиганов раздавали карты – эти и работать не работали, но хотя бы и не мешали. Принцы преступного мира соскучились в душном бараке и напросились с рабочими на плотину – подышать осенним лесом. Все трое блистали красотой, с вырванными ноздрями и пороховым «вор» на лбу и щеках. Медянкин отворотился от го-

ре-игроков, делая вид, что сих тунеядцев здесь нет и хаос не торжествует над порядком. С подобными лаяться – нет, увольте.

То не был опрометчивый либерализм, нет, один циничный расчёт – капрал многое позволял осторожным принцам и даже держал себя с ними почти что дружески. Ему это было выгодно – ведь на стальном хребте тюремной иерархии держалась и дисциплина. Взаимный авантаж, услуги за услуги...

Трое игроков разложили на рогожке огурчики, облупленные яички, здесь же высилась баклажка, для непосвящённых – с квасом. Играли не на интерес, так, гоняли дуру от скуки, и ставки делались мизерные. Полулежа, словно аристократы на пикнике, бездельники наблюдали за работой товарищей – какое зрелище может быть приятней – и вели неспешные разговоры.

– Тебе, Мора, год остался... – завистливо процедил лобастый одноглазый Фома.

– Не считай, – вяло огрызнулся Мора, молодой цыган, тощий и грациозный, как помоечный кот.

У него у единственного изуродованные ноздри были целомудренно прикрыты повязкой.

– Мору небось Матрёна выкупит, – ехидно предположил скуластый, рябой арестант по прозвищу Шило, – и до зимы он с нами в остроге не досидит.

– Не выкупит. И за то ей спасибо, что с вами, а не в Берёзове!

Мора ещё более помрачнел.

В дальнем лесу, за плотиной, хлопнуло несколько выстрелов.

— Ссылный князь охотится... — мечтательно констатировал капрал Медянкин. — Волшебная жизнь у старого хрена.

— А ты, Мора, как отсидишь, что делать-то будешь? С такой рожей не больно-то с барышнями... — не отставал Фома, — нет доверия с такой-то рожей...

— Не в роже счастье, друг Фома, — пропел Мора, забавно передразнив немецкий акцент, и продолжил, произнося слова уже чисто, как благородный. — Анфас можно и белилами замазать, а ноздри в Москве из гуттаперчи закажу — от живых не отличишь. Да бабы, они не за рожу любят. Любезное обхождение и французская речь открывают почти все двери...

— Бабы любят ушами, — подтвердил Шило.

— Все любят ушами, — отвечал повеселевший Мора, — и бабы, и поповны, и купчихи, и недоросли дворянские. Но и кафтан попышнее ни разу не помешает.

За плотиной, на краю леса показалась кавалькада — четверо всадников и свора собак.

— Старый князь, — неприязненно бросил Фома, — с охоты едет, хрен моржовый.

— Не окажет ли его светлость посильной помощи арестантам?

Мора поднялся, спрятал карты в карман и подобрал в траве суковатую палку, служившую ему вместо трости.

— Охолони! — капрал Медянкин всем корпусом развернулся к бездельникам. — Старый хрен собак на тебя спустит, и вся недолга. Он и не понимает-то по-нашему ни бельмеса.

— Князь немец? — полюбопытствовал Мора.

— Хранцуз! — залился смехом Фома.

— И то и другое! — дополнил Шило.
 Мора непонимающе на них уставился.
 — Он немец ханцузский, такой вот курбет, — объяснил Море капрал, и прибавил в порыве добросердечности: — Дрянь человек этот князь, кукиш у него вместо сердца. Получишь разве что плетей по больной спине. Не ходи, Мора.

Кавалькада приближалась к плотине — впереди на вороном коне ехал, судя по надменной физиономии, сам князь — седой носатый старик с соколом на перчатке. За ним гарцевал юный изящный поручик, следом неспешно плелись верхом два егеря, в ожерельях из убитых уток. Свора охотничьих собак уже взбежала на плотину и принялась радостно брехать на рабочих. Те предусмотрительно вооружились — кто ломом, кто камнем, кто палкой.

— Ох, беда! — капрал Медянкин метнулся навстречу своре. — Не трожь собак, демоны! Вам за этих уродов немецких три шкуры спустят!

— Кто не рискует, тот не играет, — вдохновенно изрёк Мора. — Учитесь, пока я жив.

И молодой цыган, опираясь на импровизированную трость, двинулся к охотникам плавной летящей походкой — так камергер плывёт к гостям по зеркальному паркету парадной залы.

— Щёголь... — презрительно процедил Шило. — Будет плётка по тебе плясать...

Мора взошёл на плотину. Капрал тем временем бессильно махал руками на самозабвенно брешущих собак. Мора свистнул тихонько, неслышно почти — собаки замолкли и окружили его, дружелюбно виляя хвостами.

— Цыган, — уважительно и завистливо процедил капрал, отступая от греха подальше, — слово знает.

Всадники остановились — Мора преграждал им путь, и на узеньком перешейке плотины тяжело было объехать его, не замаравшись об арестантское. Князь смотрел мимо и над, на зеркальную гладь воды, презрительно скривив губы, и сокол в чёрной шапочке сидел на его руке, как приклеенный.

Мора потрепал по загривку ближайшую собаку — та одобрительно вякнула — поклонился и произнёс по-немецки, глядя на старика изнизу, смело и весело:

— Почтительно приветствую вашу светлость.

Глаза князя, чёрные и блестящие, как вода речки Которосли, широко раскрылись. Старик выпрямился в седле и вопросительно уставился на цыгана.

— Вижу, что человек вы добрый, не откажите в помощи бедным арестантам, — так же по-немецки продолжил Мора.

Собака ткнулась носом в его руку, цыган машинально почесал за шелковистым ухом.

— Я — человек добрый? — воскликнул старик то ли весело, то ли сердито, и Мора порадовался, что угадал с языком. — Да мною ваши бабы детей пугают! Где ты доброту увидал, дубина?

— Вы добрый человек, ваша светлость, — смиренно возразил Мора, почти коснувшись ладонью морды вороной лошади, — если ездите без трензеля и без шпор. Может, и не к людям — но к лошадям вы добры. А твари невинные, бессловесные стоят большего сострадания, нежели мы, грешные.

— Коня не трогай, чумазый, — поморщился князь. — Чего тебе нужно? Деньги?

Мора отступил на шаг, с усилием выпрямил больную спину и прочёл нараспев:

Prince Clement, or vous plaise savoir
 Que j'entends mout et n'ai sens ne savoir:
 Partial suis, à toutes lois commun.
 Que sais-je plus? Quoi? Les gages ravoir,
 Bien recueilli, débouté de chacun.

(Милосердный герцог, вы желаете знать,
 Как же я понимаю всё, не зная ни черта:
 Я вне закона, но меня преследует Фемида.
 Что же дальше? Что? Делаю следующую ставку,
 Любезный каждому, изгнанный отовсюду.)¹

– Уже пятнадцать лет я не Prince clement... Возьми, заработал.

В руке князя блеснула монета. Мора поймал её на лету и тут же спрятал за щеку.

– Благодарю, ваша светлость! – сказал он так, словно и не держал ничего во рту – отчётливо и чисто.

– Больше не светлость, сказано же тебе, – проворчал старик. – И за что ты сидишь, арестант?

– Не разгневать бы вашу светлость... Примерно за то, что и вы. Фортуны в руках не удержал...

– Дурак! – расхохотался князь. – Fortuna non penis, in manus non gescire... А ты развлёк меня... Теперь дай проехать, и не трогай больше моих собак.

Мора сошёл с плотины, пряча усмешку, и кавалькада двинулась было мимо, но князь остановил коня, повернулся в седле и спросил:

---

¹ Франсуа Вийон, «Баллада противоречий», пер. с фр. Е. Ермоловит.

— Почему они работают, а ты нет? — и указал на рабочих.

— Нам нельзя, закон не велит, — развёл руками Мора с деланным огорчением.

— Ты же, поди, для них тоже — светлость? — насмешливо поинтересовался князь.

— Тогда уж скорее виконт...

Князь фыркнул, дёрнул повод, и вороной конь унёс его прочь. Проехали мимо арестантов изящный поручик и егеря, щедро увешанные утками.

Мора вернулся к Фоме и Шилу, показал монету и снова спрятал.

— Что, съели?

— Ефимка... — убито протянул Фома.

— Проиграл, подставляй лоб, — обрадовался Шило.

— Врёшь, ты ставил на плеть, а я на собак — оба проиграли.

Миновала неделя, летнее тепло схлынуло, как и не бывало, а зимняя одежда ещё летом была почти вся проиграна Морой в карты. В тот вечер Шило с Фомой резались в своём углу в бору, Мора же, невезучий игрок, давно продулся и теперь объяснял шнырю, как следует правильно чинить малахай. Тулуп его и онучи давненько уже пали жертвой карточного долга.

За окном лило как из ведра, студёный ветер задувал в крошечные, без стёкол, оконца. Из щелей со свистом ползли сквозняки. Мора отправил восвояси шныря с малахаем, потянулся, подпрыгнул и вдруг повис, уцепившись за потолочную балку.

— Что это ты висишь? — спросил Фома. — К чему-то готовишься или так?

— Спине полезно, — пояснил Мора. — Хребет выпрямляю.

— Хочешь к Матрёне красавчиком вернуться? — язвительно поинтересовался Шило.

— Прежнего не воротишь, друг Шило, — меланхолически отвечал Мора, болтая ногами в воздухе. — Но вернусь не кривым уродом, тоже дело.

— Про кривого уroda поосторожнее! — буркнул Фома.

По бараку, оглядываясь, пробирался караульный. Приятеля спрятали карты, Мора выпустил балку и пружинисто приземлился на нары.

Караульный приблизился, разглядел в зловонном сумраке Фому, Шило и Мору, расцвёл и пролаял:

— Мора Михай!

— Я, начальник, — развязно отозвался Мора.

Шило с Фомой переглянулись.

— Бери свой сидор и со мной, к капралу!

— Зачем вызывает? — спросил Мора с таким ненатуральным спокойствием, что Шило с Фомой переглянулись ещё раз.

Фома подмигнул единственным глазом, а Шило одними губами прошептал:

— Матрёна...

— Не твое собачье дело, — добродушно отвечивал солдат. — Ноги в руки и дуй за мной.

Подкрался шнырь с малахам.

— Мора, шапку-го?

— Шилу отдай, пусть плешь греет. Не поминайте лихом!

Мора подхватил свой тощий сидор, и солдат повёл его вон.

— Матрёна... завистливо повторил Шило. — Выкупила-таки своё нещечко.

— И проспорил ты мне, друг ситный, — предвкушая, проворковал Фома.

— Погоди, может, вернётся, — возразил Шило без особой надежды.

— Зачем звал, ваш благородие?

Мора шагнул в прокуренную караульную, огляделся — в сторожке присутствовал один лишь капрал Медянкин, чуть хмельной и с трубкой в зубах.

— А ты угадай! Свезло тебе, Мора Михай, выкупили тебя, ступай теперь на все четыре стороны.

— Кто? — севшим голосом спросил Мора.

— А ты угадай! — повторил весёлый капрал. — Вспомни, кому на плотине хранцузские вирши читал?

Мора выдохнул — словно что-то умерло в нём, а что-то, наоборот, заиграло.

— Князь? Он изрядно расточителен для бедного ссыльного.

— Твой благодетель богат, как Крез, — усмехнулся нетрезвый капрал. — Только выслушай напоследок один совет. Ты же из Москвы у нас, а, Мора? Вот и плёпай назад в свою Москву, на рассвете, как откроется переправа. Хоть и не велено в Москву клеймёным да безносым — всё равно дуй, не сиди здесь.

— А как же пасть в ноги благодетелю? Облобызать ручку?